

му прямо отъ Бога». Или—«Непонятному никто не можетъ вѣрить, знаніе непонятнаго равно незнанію».

Это послѣднее утвержденіе въ корнѣ противорѣчитъ устою всѣхъ соображеній Толстого относительно «отвѣтовъ въ глубинѣ души», передаваемыхъ не разумомъ, а непосредственно, какъ зѣвота. Здѣсь именно рѣчь идетъ о томъ, что рѣшительно непонятно, здѣсь какъ разъ говорится о «знаніи», которое «внѣ разума», согласно словамъ самого Толстого.

Въ концѣ концовъ, понятіе разума рѣшительно спутывается и онъ подставляется снова въ уголь теоріи внутренняго непосредственнаго знанія.—«Разумъ, дѣйствующій въ условіяхъ пространства и времени, не можетъ познать то, что внѣ этихъ условій», пишетъ Толстой, но въ то же время оказывается, что «Разумъ знаетъ одно, что сущность божественная есть». Разумъ оказывается именно тѣмъ органомъ внутренняго познанія, который меньше всего близокъ къ внѣшне-познавательному, логическому, т. н. разумному. Самое знаніе имѣетъ характеръ интуитивный, глубоко-личный, оно не подлежитъ логической передачѣ, его можно имѣть внутри себя благодаря особому напряженію душевному, но его нельзя сдѣлать доступнымъ другому, ибо каждый долженъ создать эту